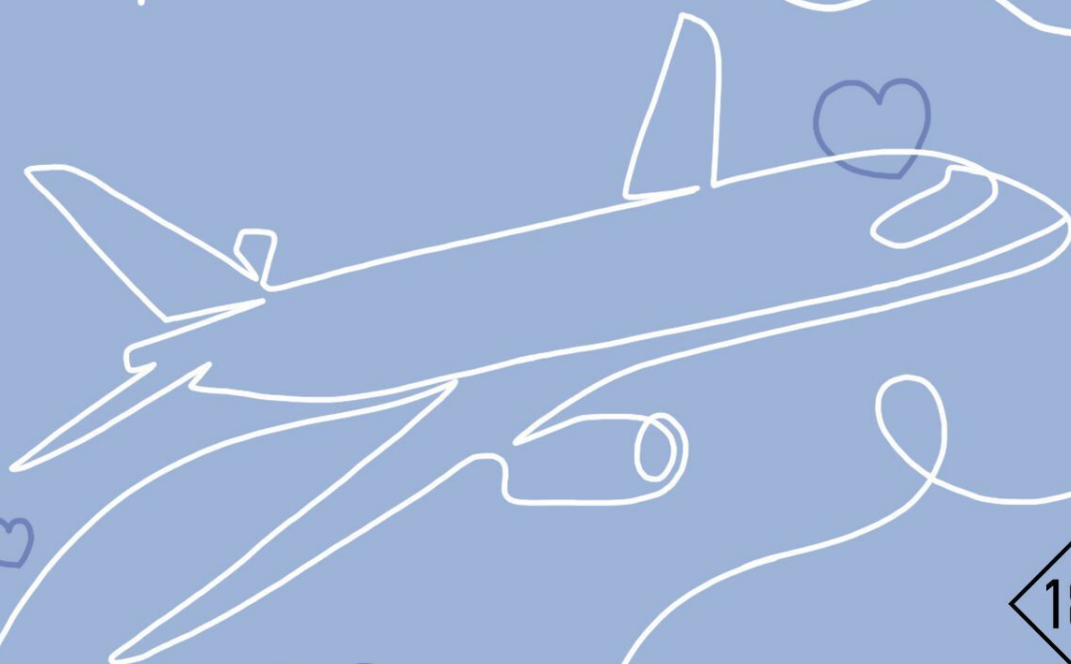

ЛУЧШАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ ПО ВЕРСИИ РЕДАКТОРОВ **AMAZON**

ЛИВИ ХАРТ

Самолеты,
поезда...
и чувства

18+

Романтическое настроение (АСТ)

Ливи Харт

Самолеты, поезда... и чувства

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

Харт Л.

Самолеты, поезда... и чувства / Л. Харт — «Издательство АСТ»,
2023 — (Романтическое настроение (АСТ))

ISBN 978-5-17-161988-6

Кэссиди Блисс пообещала — нет, поклялась! — своей семье, что точно не пропустит свадьбу сестры. Если же ей не удастся... Скажем так, ярость ее матери затопит половину страны, а Кэсс официально получит звание худшей дочери года. Тем более что она и так проигрывает сестре во всем: Изабель умница, красавица, с хорошей работой и правильным женихом, а Кэсс... ну, просто Кэсс. Но ее твердое намерение достичь успеха грозит разбиться о суровую реальность: наглый парень на дорогой машине занимает последнее место на парковке аэропорта, а потом самолет, на который она едва не опаздывает, совершает вынужденную посадку в крохотном городке, далеком от цивилизации. И приятелем по несчастью Кэсс становится тот самый хам на крутой тачке! У парочки один выход: арендовать автомобиль и отправиться в долгий, слишком долгий путь. Но что, если вынужденное соседство окажется подарком судьбы?

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-161988-6

© Харт Л., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ливи Харт
Самолеты, поезда... и чувства
Роман

Livy Hart
Planes, Trains, and all the Feels

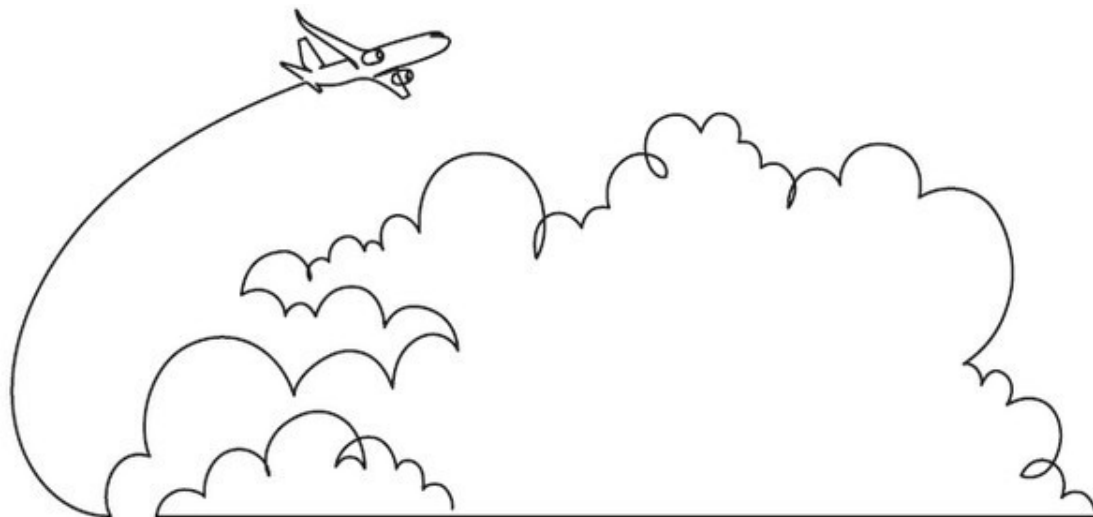
* * *

© 2023 by Livy Hart. All rights reserved
© Генералова Е., перевод, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

За Пестик и Пузырек, моему Цветику

Глава 1 Кэссиди

Мать откажется от меня, если я пропущу этот рейс.

Я пообещала, что буду в полном ее распоряжении целую неделю и помогу с мельчайшей деталью подготовки к свадьбе моей сестры Изабель. Мамины требования к проведению мероприятий находятся на высоте примерно пяти миллионов футов над уровнем моря, и грядущее событие должно соответствовать им всем. Это важнейший день в жизни ее любимой старшей дочери. К тому же хороший шанс блеснуть в роли матери невесты.

И если я облажаюсь... Скажем так, в Лос-Анджелесе не найдется человека яростнее Франчески Блисс.

На лбу выступают капли холодного пота, когда я на своей «Тойоте» по имени Трикси делаю еще один круг по стоянке аэропорта Шарлотт. Вихрь мокрого снега и льда – и это то весной, благодаря капризам матушки-природы, – вьется вокруг машины, затрудняя обзор. Ничего не разглядеть и на пару метров вокруг.

План задобрить родную мать был сорван Матерью всего и вся. Великолепно.

Все было бы прекрасно, если бы я приехала сюда еще час назад, как и задумала, когда бронировала ночной перелет – единственная возможность с моим графиком занятий. Но очередь из машин на трассе двигалась возмутительно медленно всю дорогу, приходилось постоянно давить на тормоз, вдобавок я поздно закончила урок: не смогла отвертеться от студентов-танцоров, настоящих энтузиастов, которые захотели продолжить съемки моего танца.

К тому же я не могу пропустить полет, который изначально едва ли могла себе позволить.

Я кружу по стоянке, как ястреб над землей в поисках добычи. Если я сейчас же не найду место, то просто брошу Трикси посреди дороги и рвану на шаттл до самолета своим ходом. Или так, или я протараню этот мотоцикл, не постеснявшийся занять целых два парковочных места. Два, когда даже одно – слишком большая роскошь для такого скутера.

Не сказать, что Трикси вообще в состоянии кого-то протаранить. Моя машина надежностью напоминает прерванный половой акт и грозит заглохнуть, стоит проехать больше пары километров.

Тут мое внимание привлекает серебристый отблеск в конце ряда, где минивэн задним ходом медленно выезжает с парковочного места. Вот-вот покажется капот. Как же мне повезло! Я готова расплакаться от облегчения.

Взгляд прикован к минивэну, и я мчу в его направлении, стараюсь унять дрожь. Надо привести нервы в порядок. Вообще-то, дорога – самая простая часть в испытании под названием «встреча с семьей». Сбежав из Лос-Анджелеса два с половиной года назад, я избавилась от контроля гиперпекающей матери, однако эта свадьба и роль подружки невесты затягивали меня обратно. Но раз моя задача заключается в том, чтобы воплотить в жизнь мечту Изабель о вечеринке с шампанским и пожеланиями всего наилучшего, я перенесу стресс с улыбкой.

Конечно, мне снятся кошмары о том, что шоколадные фонтаны разбрызгиваются во все стороны, диджей ставят ужасные песни, важные задачи вылетают из головы, а я совершаю ужасную ошибку и перед всеми ставлю себя в неловкое положение. Как паршивой овце семейства, мне не привыкать все портить. Но я придержу при себе страхи и со всем разберусь. Произнесу тост, съем тост и буду пить до тех пор, пока тосты не полезут наружу – в общем, сделаю все, что пожелает моя сестра, пока праздник не завершится поздним воскресным вечером. Я хочу, чтобы ей запомнился этот важный день.

Включаю поворотник, поворачиваю руль, притормаживаю и...

Буквально из ниоткуда – точнее, из-за угла – вырывается джип Grand Wagoneer и оказывается ровно на моем месте так быстро, что выезжающий минивэн едва успевает отъехать. Сдавленный крик срывается с губ, когда я бью кулаком в крышу. Клубы пыли, вероятно асбестовой, осыпаются на приборную панель.

Чтобы ему пусто было! Такое не могло произойти. Водитель джипа должен был увидеть меня и мой включенный поворотник. Бананово-желтая «Тойота Терцел» восьмидесят второго года выпуска не может остаться незамеченной.

Разумно отпустить эту ситуацию и продолжить поиски места. В любой другой день я бы так и сделала. Но сейчас мне нужна победа.

Как только минивэн покидает нас, я выдвигаюсь вперед и останавливаю свою машину точно за внедорожником обидчика. Я так близко к джипу, что его багажник, плавно открываясь, почти цепляет мою Трикси.

Вылезая с водительского сиденья, я хватаюсь за боковое зеркало, чтобы не упасть. Выпрямившись во весь рост, смотрю вверх машины, и в это время появляется владелец джипа.

Ох!

Слова застревают у меня в горле.

Сначала мой взгляд скользит по его модному пальто длиной чуть выше колен, и характерный блеск подсказывает, что это смесь шерсти с кашемиром. Одет он с иголочки: перчатки, шарф, шапка-бини. Даже очки у него стильные, в черной оправе, идеально подходящие к точным чертам лица.

Если бы я судила книгу по обложке, то назвала бы его образ чрезвычайно деловым, за исключением шарфа. На его шею намотано нечто из трикотажа, в красно-белую полоску – ну прямо Уолли¹ собственной персоной! – в то время как весь остальной образ выдержан в монохромной чернильно-черной гамме, и это наводит на мысль о свободолюбивом характере обладателя шарфа. Вероятно, обычно он неукоснительно соблюдает правила цивилизованного общества, но в этот раз он готов пойти на риск, чтобы занять мое место.

Этому мужчине нет нужды что-либо доказывать, весь его внешний вид и смазливое лицо кричат о том, что он привык быть победителем.

Я резко зарываю рот и возвращаюсь к мысли, вылетевшей из моей головы из-за него.

– Привет... прошу прощения, но...

¹ «Где Уолли?» – серия детских книг-вimmelбухов, созданная британским художником Мартином Хендфордом. По задумке читатель должен найти главного героя, Уолли, на картинке, где изображено множество людей. Уолли одет в полосатую красно-белую кофту и шапку с помпоном. (Здесь и далее – примеч. ред.)

Он замирает, напоминая статного оленя в свете фар.

– Я включила поворотник и уже собиралась повернуть. – Мой голос звучит приторно-сладко, и дыхание вот-вот перехватит. – Пожалуйста, мне очень нужно это место. Я так сильно спешу и... к тому же вы выглядите разумным...

– Я предпочитаю марку «Верпул», но это на твое усмотрение. – Он закрывает дверь своей машины. – Это же ты пользуешься ею каждый день.

Я смотрю по сторонам.

– Что-что?

– Ты правда думаешь, что это безопасно? Я могу ее поменять, – продолжает он, доставая из багажника черную сумку-тоут. – Думаю, давно пора.

Я в замешательстве пытаюсь осмыслить его фразу. У меня что, нервный срыв из-за стресса? Я машу замерзшей рукой без перчатки, чтобы убедиться, что я привлекла его внимание, и в рукава набивается снег.

– Я не очень понимаю, о чем вы говорите, но вы заняли мое место. – Я хлопаю Трикси по крыше. – И я буду признательна, если вы уступите. Я уже двадцать минут ищу где припарковаться и очень хочу успеть на самолет.

Он поворачивает голову, приподнимает край бини и показывает мне на «Эйрподс».

Мои щеки горят.

– А, вы разговариваете по телефону, но все же...

– Софи, подожди. – Он переводит взгляд на меня. – Мэм, мне очень жаль, но я занял это место по-честному. И я тоже тороплюсь. Вам еще что-то нужно?

Я бледнею. Если меня приняли за мэм, то самое время нанести омолаживающую сыворотку. И он фактически проигнорировал мою просьбу.

– Я тоже спешу! Это мое место, и вы это знаете! Я включила поворотник!

– Я тоже включил поворотник. – Закидывая сумку повыше на плечо, он указывает на Трикси. – Как бы то ни было, ваш не моргал. Думаю, лучше бы его проверить. В целях безопасности.

И прежде чем я успеваю хотя бы открыть рот и что-то ответить, он достает свой черный чемодан из безупречно чистого багажника, разворачивается и поднимает брелок. Джип закрывается с громким писком, а довольный собой мужчина удаляется, и элегантно везет за собой багаж.

Запрокинув голову, я взываю к небесам. Я начинаю все больше погружаться в панику, но тут красный свет фар рассеивает туман. Примерно через два ряда от меня ревет оживший двигатель.

О, кто-то уезжает.

Я запрыгиваю обратно на водительское сиденье, хлопнув дверью, но замок не закрывается, и я хлопаю еще трижды, пока он наконец не срабатывает. Словно издеваясь надо мной, часы на единственной не сломанной части приборной панели показывают 19:26.

Я мчусь по парковке с безумной скоростью и занимаю место.

Припарковать машину. Мигом пройти досмотр. Сесть на самолет.

Один пункт готов. Осталось два.

Волоча за собой огромный чемодан, мелкими шажками я семеню к остановке шаттлов, сожалея, что не могу бежать в проклятых сапогах на каблуках, и не испытывая никакого желания поставить крест на танцевальной карьере, поскользнувшись в грязной луже и подвернув лодыжку.

Шаттл стоит с заведенным двигателем. Я едва нахожу его в тумане по свету фар. В поле зрения появляются размытые очертания человека.

– Подержите дверь! – кричу я, шлепая по слякоти, словно на мне снегоступы. Я машу свободной рукой: – Задержите шаттл!

В размытом силуэте я узнаю мужчину в шарфе Уолли. Я концентрируюсь на нем, представляя, что он – моя финишная черта. Я почти победила, осталось совсем чуть-чуть.

Но вот дверь закрывается, и полосатый шарф исчезает из виду.

Дыхание сбивается, я ковыляю к шаттлу. Чемодан выскальзывает из рук, и я, спотыкаясь, пытаюсь поднять их. Этот Уолли подставил меня с парковочным местом, но только настоящий придурок оставит человека на холоде. Он ведь, скорее всего, попросит водителя подождать, а люди охотно прислушиваются к таким, как он...

Шаттл с ревом оживает и отъезжает от обочины, оставляя меня под мокрым снегом.

Вот тебе и раз... победила.

Глава 2

Люк

Этот аэропорт пропах перегаром и безнадегой.

Я тащу чемодан по потертому линолеуму, направляясь к выходу на посадку. Необходимое зло на пути к другому, более существенному – самолетам.

Даже не могу себе представить, есть ли более страшное воплощение ада на земле, чем поездка в металлической коробке, несущейся по воздуху со скоростью почти девятьсот километров в час, в которой тебя трясет при малейшей турбулентности, как лед в стакане. Не могу даже думать об этом. И ведь мы еще платим за эту «привилегию». На самом же деле – отдаем кругленькие суммы за то, чтобы попасть в летающие гробы.

Но из хорошего – я здесь. У меня в запасе еще шесть минут. Вопреки всему – и под этим я подразумеваю длительную деловую встречу, которую легко бы заменило электронное письмо, не прояви я уважения к клиенту, – я вылетаю этим рейсом.

У выхода скопилась такая толпа, что шагу негде ступить, в итоге мне приходится маневрировать, как на полосе препятствий.

Подняв голову, смотрю на табло рейса Шарлотт – Лос-Анджелес. Ноль минут до посадки.

Желудок сводит. Мне бы порадоваться такой удачи – своевременному вылету в разгар шторма. Но вместо этого воображение рисует самые невообразимые сценарии развития событий: самолеты сталкиваются на затянутой дымкой взлетно-посадочной полосе, их крылья отрываются и болтаются, как заусенцы.

Закрыв глаза, я вздыхаю. По крайней мере, во время полета я смогу получить доступ к Wi-Fi и отвлекусь на файл Хопстеттера. Мне редко удается полностью отключиться. Формально я буду свободен следующие четыре дня, но выкинуть работу из головы у меня точно не получится.

Пока я маневрирую по рукаву телескопического трапа от терминала аэропорта до самолета, мой чемодан то и дело натывается на чужие.

Голос Софи возвращает меня к реальности:

– Люк, ты меня вообще слушаешь?

Да, слушал... точнее, слушаю. Я люблю свою сестру, но эта женщина может болтать без остановки о чем угодно, кроме того, ради чего я ей позвонил: а я звонил, чтобы узнать о маме. В итоге всю поездку на шаттле мы разговаривали о выкрутасах неисправной стиральной машины Софи. И когда я перезвонил ей после досмотра, она каким-то образом свела разговор к своему умению губить комнатные растения, пропустив мимо ушей мои вопросы о семье.

– Да, я тебя слушаю. И что, влажность в доме действительно так важна?

– Этот фикус обречен: я его или залью, или он вообще засохнет.

Я закатываю глаза. Софи – мать-одиночка и медсестра, на чьих плечах каждый день лежит забота о дочерях, матери и толпе пациентов, но она почему-то решила, что для полного счастья ей не хватает еще и цветов в горшках.

– Ладно, расслабься. Сделай глубокий вдох, потом выдох... просто не поливай его никакой гадостью. Все будет хорошо.

– Окей, я займусь дыхательной гимнастикой, как только... Мам, подожди. Ты уже принимала сегодня инсулин, помнишь? – Софи вздыхает, что-то громко трещит мне в ухо. – Давай я перезвоню, как только уложу маму и девочек спать. Не скучай там на работе.

Я даже не уверен, что сестра услышала мое «пока», но я отключаю «Эйрподс». Она даже не подозревает, что я направляюсь вовсе не на рабочую конференцию, как я ее заверил.

К тому времени, как она решит перезвонить мне этим вечером, я уже приеду в Бейкерсфилд и буду готов лично выслушать ее тираду о растениях.

Несколько недель подряд Софи избегала разговоров о маме, и что-то мне подсказывало, что стоит неожиданно навеститься домой и убедиться, все ли в порядке. Ну и, конечно, встретиться с Уиллом Макклэри, моим лучшим и единственным другом, и съесть с ним столько тако с сальсой, сколько нормальный человек едва ли сможет... Но все-таки семейные дела важнее.

У меня с сестрой есть негласная договоренность: я отправляю ей деньги, а она распоряжается ими на свое усмотрение, удерживая маму от окончательного саморазрушения. Я выпи-сываю чеки на все: на оплату счетов, на лекарства, на ерундовые развлечения, лишь бы мама была чем-то занята изо дня в день и держалась подальше от проблем. Благодаря этому Софи может посвятить себя работе и уходу за другими. А я просто Люк, проводящий по тринадцать часов в офисе.

И надо признать, эта система функционирует достаточно успешно, ведь она позволяет мне и дальше работать на Рохелио, моего босса и наставника, которому я обязан карьерой, а Софи – оплачивать частную школу дочерям, иметь хоть какую-то финансовую подушку и обеспечивать маме ежедневный присмотр. К тому же Софи всегда рядом, чтобы вовремя выпроводить маминых собутыльников, пока те еще не успели набраться. Беспроигрышный вариант.

Ну, почти. Жизнь за три тысячи километров от семьи не лишена некоторых неудобств.

Капли пота так и текут под воротник, когда я наклоняю голову, заходя в самолет. Для меня это словно пройти через портал в другое измерение, где все становится очень маленьким и явно предвещает недоброе.

Я кладу пальто и ручную кладь на багажную полку и устало усаживаюсь на место 18D. Однако дважды мне приходится вскакивать, чтобы пропустить соседей к их креслам, и только потом я наконец устраиваюсь поудобнее и пролистываю плейлисты, чтобы найти что-то отвлекающее, пока я не успокоюсь или не схвачусь за ноутбук, тут уж как получится. Но едва кровь перестает шуметь в ушах, как «Эйрподс» жалобно пищат.

Достав телефон из кармана, я открываю чехол наушников. Экран моего телефона загорается, показывая, что он тоже сел.

На меня накатывает безысходность, и я тянусь проверить, нет ли на спинке переднего сиденья USB-разъема.

И тут мое внимание привлекает спешно влетевшая в самолет девушка, которая прижимает руку к груди так, словно только что пробежала марафон. Ее тяжелые шаги отдаются эхом в салоне. Она проносится по первому классу, неуклюже волоча чемодан по проходу, и извиняется перед каждым, с кем сталкивается.

Я весь съеживаюсь в кресле и возвращаюсь к поискам музыки, вытягивая шею, чтобы осмотреть подлокотники. Все-таки USB-разъемов нет. Самолет, должно быть, совсем старый.

Пока я ломаю голову над статистической взаимосвязью между возрастом самолета и показателями безопасности полетов, мой взгляд упирается в чью-то задницу.

О господи!

Та самая девушка наклонилась над своим чемоданом и роется в нем. Если она и осознает, что практически сидит у меня на лице, то не подает виду.

– Ура! – Она подпрыгивает, сжимая в руке злаковый батончик.

Несколько человек поворачиваются в ее сторону, когда она бросает батончик на пустое сиденье.

Ее длинные блестящие волосы каскадом падают на спину, когда она пытается передвинуть чемоданы, уже плотно уложенные на багажной полке.

Ого.

Я поклонник облегающих джинсов с их естественной сексуальностью, а эта девушка смотрится в них просто сногшибательно. Ее кожа кажется загорелой на фоне ослепительной белой рубашки. А ее волосы...

Постойте-ка.

Моя симпатия исчезает так же быстро, как и появилась, как только я замечаю красное пальто. Я сначала ее не узнал, ведь сейчас она была без него и не кричала, выглядывая из-за крыши самой желтой в мире машины, но это точно была она.

Та самая девушка с парковки.

Воспоминания об этом абсурдном происшествии еще свежи в моей памяти, поэтому я сканирую ее взглядом, который называю «детектором сомнительных личностей».

Нет. Все-таки она великолепна.

Когда ей не удастся освободить место для своего чемодана путем расталкивания чужих, она поворачивается, чтобы проверить другую багажную полку. Ту самую, над моей головой.

К моему сожалению, спереди она так же соблазнительна, как и сзади. Взгляд останавливается на ее хорошеньких губках, как и тогда, когда она разговаривала со мной на парковке. Сочетание рыжих волос, белой рубашки и синих джинсов вызывает у меня ассоциацию с мороженым «Ракета» – красный, белый, синий, – которым меня в детстве всегда угощали соседи. Если бы она не заговорила тогда со мной на парковке, я бы сейчас подумал, что она такая же приторно-сладкая, как этот десерт.

Девушка поднимает свой чемодан. Опасно покачивается, но быстро восстанавливает равновесие и тянется к полке. Мышцы на ее руках напряжены, когда она пыхтит себе под нос:

– Залезай... туда... черт тебя побери...

Я вскакиваю с места и подхватываю ее чемодан, прежде чем он упадет ей на голову.

– Эй, полегче.

Она крепче цепляется за пластиковый корпус чемодана.

– Я сама справлюсь.

Чемодан кренится, угрожая упасть на человека на сиденье спереди.

Я почти вырываю у нее из рук багаж, переворачиваю его набок, и в этом положении он легко влезает на багажную полку.

Она поднимает лицо, и ее пристальный взгляд встречается с моим. В глазах что-то мелькает – кажется, узнала.

Она хмурится. О, черт... Она действительно узнает меня, поджимает губы и щурится.

– Ага.

Я наклоняю голову набок:

– Что – ага?

– Теперь ты резко захотел помочь. Что-то не заметила такого рвения раньше.

Ох. Несомненно, она зацепилась за свою парковочную вендетту. Но честно говоря, для хмурого взгляда нет никаких оснований. Я, возможно, спас ей жизнь в тот раз – благодаря мне она проверит поворотник и не попадет в аварию.

Я одариваю ее натянутой улыбкой.

– Ну простите, что не дал заработать сотрясение из-за упавшего на голову чемодана. И вообще, эта штука опасна. Тканевые чемоданы безобиднее.

– А еще уродливее. И кстати, у меня все под контролем.

– Ладно, прости. – В моем голосе сквозит раздражение, и я сажусь в кресло, подняв ладони в примирительном жесте.

– А ты чего такой раздраженный? Это ведь не я заняла твое место на парковке и не ты остался на холоде.

Я удивленно хлопаю глазами, пытаюсь осознать сказанное.

– Чего? Но я объяснил вам на стоянке, мэ...

– Никакая я не «мэм», – шипит она, наклоняясь еще ближе, вторгаясь в мое и без того ограниченное личное пространство. – До такого уровня я еще не дошла. Меня зовут Кэссиди...

– Что ж, очень рад знакомству. Я Люк и...

– И ты не только подрезал мою машину, но и не задержал шаттл. Я чуть не опоздала на самолет!

Я пытаюсь хоть что-то понять.

– В смысле – не задержал шаттл?..

– Займите, пожалуйста, свои места, мне нужно закрыть багажные полки для взлета, – раздается резкий голос у меня за спиной.

«Ракета»-Кэссиди чуть не пришибает меня своей туго набитой сумкой, висящей на плече, рванув ее вперед. Эта штука больше похожа на дубинку и уже трещит по швам. Из ее глубин Кэссиди достает две пластиковые карточки, засовывает их в карман и закидывает сумку на багажную полку.

Я пробираюсь на свое место, чтобы дать стюардессе выполнить ее работу, а Кэссиди плюхается на сиденье 17С, расположенное у прохода с противоположной стороны от меня, на ряд впереди.

Повернувшись ко мне, она говорит:

– Когда ты сел в шаттл, я бежала позади и кричала, чтобы ты его задержал. Но ты, судя по всему, решил водителю этого не говорить... может, потому что я накричала на тебя на парковке, знаешь... да, я была очень расстроена. Мне жаль, что я прервала твой звонок. Но я думала, что ты, конечно же, не оставишь девушку на холоде. Похоже, я ошиблась.

Ого. С такой прытью она могла бы и весь аэропорт оббежать. Меня бросает в жар.

– Вот это да. Так, давай разберемся по порядку. Во-первых, я тебя не слышал. Да и не видел, что ты бежала.

– Трудно в это поверить, я ведь кричала.

– Но это правда! На улице было ветрено, я разговаривал по телефону, а у «Эйрподс» ну очень хорошее шумоподавление. Так что это вышло без всякого злого умысла. А ты действительно готова оговорить человека после небольшого недоразумения? Или это особый случай?

– Я тебя не оговариваю. Просто хорошо знаю таких, как ты.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Я с водителями «Убер» знаком дольше, чем с этой девушкой, а она уже собирается рассуждать о том, к какому типу людей я отношусь.

И все же любопытство обжигает меня, как горячая кочерга:

– Ну и какой же я?

Женщина, сидящая позади Кэссиди, явно прислушивается к разговору, и ее взгляд мечется между нами.

А Кэссиди, кажется, никого вокруг не замечает. Ее внимание приковано ко мне и только ко мне.

– Тот, кто считает себя суперважным, а потому все должны с ним считаться. Такие люди получают все что хотят.

– И с чего ты это взяла?

Устраиваясь на своем месте поудобнее, она пристально оглядывает меня с головы до ног своими холодными, как лед, голубыми глазами.

– Посмотрим. На тебе дорогое пальто из кашемира, возможно, итальянское, и это указывает на то, что у тебя успешная работа или ты публичный человек, и выходить на улицу в чем попало нельзя. В остальном ты выглядишь так, словно звонил директору «Джей Крю» – узнать, в чем он придет на деловую встречу, чтобы не прийти в том же самом. А потом вдруг решаешь: «К черту, я тоже это надену». Очевидно, ты босс и привык, что твои подчиненные делают все, что ты хочешь, поэтому настолько уверен в себе.

Что ж, даже Шерлок ничего не сможет противопоставить этой женщине: она бы могла провести мастер-класс под названием «Как сделать сложные выводы буквально из воздуха». Я, конечно, оценил ее джинсы... ну ладно, и великолепную задницу тоже, но наблюдательность у Кэссиди явно хромает, причем настолько сильно, что мне так и хочется сделать ей замечание. Но Кэссиди не обязательно знать, что пальто подарил мне Рохелио, когда я устроился на работу в Северной Каролине, а моя публичность оставляет желать лучшего, или что я по уши увяз в серии из двадцати баскетбольных поражений от Уилла – и по всей видимости, когда я вернусь домой, прибавится еще одно.

Вместо этого я упираюсь локтями в колени и просто вымученно улыбаюсь Кэссиди.

– В точку. Ты меня раскусила. Я гендиректор «Гугла», а еще я обладатель нескольких мировых рекордов. И, представь себе, мне нужно туда же, куда и тебе. Ну да, мы в одном самолете. Ты можешь судить обо мне по одежде и поведению сколько угодно, но это не отменяет того факта, что эпизод с шаттлом был просто случайностью.

Кажется, пламя в ее глазах затухает, оставляя после себя горстку пепла. Кэссиди хмыкает.

– Был бы ты гендиректором «Гугла», летел бы на частном самолете.

– Будь я и впрямь гендиректором «Гугла», пустил бы средства на создание телепорта. Хорошего полета, Кэссиди.

Я снова засовываю в уши разряженные «Эйрподсы» и устраиваюсь поудобнее, надеюсь, что она поймет намек. Если я продолжу разговор с Кэссиди, это будет уже перебор.

Глава 3

Кэссиди

«Можешь судить обо мне сколько угодно...»

Глубокий рокочущий голос Люка все еще звучит у меня в голове, продолжая вспенивать раздражение.

Как будто это так уж нелепо предполагать, что он услышал мои крики через всю парковку. Или делать выводы о престижности его работы по тому, как он одет. Подайте на меня в суд. Черт, кажется, вся его работа – это осуждать меня.

Я достаю телефон из кармана и устраиваюсь поудобнее. В подголовнике сиденья набивки явно меньше, чем в лифчиках у «Виктория'с Сикрет». Я даже готова выпить чего-нибудь покрепче, черт возьми, что уж там, и пиво сойдет, но я решаю спасти свое паршивое настроение общением с подругой.

К счастью, моя соседка Беркли отвечает на видеозвонок после первого же гудка.

– О, уже соскучилась по мне, Цветик? – Она свернулась калачиком в постели, а мой корги Элвис уютно устроился у нее на руке. Подушки всех форм и цветов окружают Беркли, настоящая мягкая радуга, а не изголовье. Ее темные кудри резко контрастируют с маслянисто-желтой стеной.

– А где твои наушники? – Ее голос снижается до шепота, и она подносит телефон прямо к лицу. Беркли после бурного развода стала агрессивной и подозрительно относиться к мужчинам – и теперь считает каждый мой звонок криком о помощи, словно я вляпалась в очередную авантюру с каким-то парнем. – Что-то случилось? Из самолета, конечно, я тебя спасти не смогу, но с легкостью поставлю на место любого хама, только дай трубку.

Моя лучшая подруга – прелестный маленький ангелочек с фарфоровым личиком и невинными голубыми глазами, на кончике языка которого спрятаны самые острые стрелы. И она не шутит, когда говорит, что может поставить кого-нибудь на место. Я благодарна за это предложение, даже если в нем нет необходимости.

Я кидаю взгляд на соседа, мужчину под восемьдесят, который уже задремал, склонив голову на грудь.

– Да нет, все в порядке. Я позвонила, потому что забыла наушники и еще парочку вещей. Отправлю тебе список того, что нужно будет захватить перед вылетом, если у тебя еще останется место в чемодане.

– Хорошо. Но я не обещаю, что найду все в твоём кошмарном бардаке в спальне. Знаешь, тебе бы не помешало обзавестись полками. Коробками. Подставками для обуви. А еще нужен кто-нибудь, кто выкинет всю просроченную косметику. Кстати, могу с этим помочь.

Из динамиков самолета звучит: «Уважаемые пассажиры, от имени экипажа прошу вас обратить внимание на бортпроводников, которые проведут инструктаж по технике безопасности».

Я понижаю голос и вжимаюсь в кресло.

– Тебе, вообще-то, нравится рыться в моем бардаке. Именно оттуда появилась половина твоего гардероба.

– Мы уже столько раз повторили слово «бардак», что оно потеряло всякий смысл.

– Кстати, не забудь, что мы поменяли Элвису корм. Проверь, что он получает смесь от артритита и что догситтер заберет эту смесь вместе с Элвисом. Кстати, как он?

Подруга прижимает к себе моего черно-белого малыша, в ее голосе слышится нежность:

– О, уверяю тебя, маленький король живет свою лучшую жизнь. А ты как, еще не напи-лась? Тебе надо хорошенько выпить, чтобы разогреться и подготовиться к холодным объятиям твоей дорогой мамочки. Думаю, для такого легковеса, как ты, хватит и двух бокалов.

Стюардессы проходят в переднюю часть салона с демонстрационными ремнями безопасности в руках и дают инструкции на случай катастрофы.

Я показываю Беркли поднятый вверх большой палец.

– Значит, выпью три.

– Ну ты зверюга. Ведь потом в проходе танцевать будешь.

– Все, отключаюсь, взлетаем. Не хочу, чтобы из-за моего звонка самолет вышел из строя или что-то в этом духе... Интересно, в реальной жизни вообще такое случается?

Беркли отмахивается от моих опасений.

– Самолеты и так летают, Кэсс. Что бы ты ни сделала, ничего не произойдет.

– Да, возможно. Ладно, наслаждайся пустой квартирой... И почему бы тебе не сходить на свидание или еще куда-нибудь?

Я почти уверена, что слышу ее смех: и сейчас, по телефону, и до этого, в реальной жизни на протяжении всего пути из Эшвилла до аэропорта.

– А знаешь, твое убойное чувство юмора не ценят по достоинству.

– Никогда не поздно делать комплименты, – шепчу я. – До завтра, Пестик.

– Жду не дождусь.

Мои губы расплываются в улыбке. Успешно успокоившись, я нажимаю «отбой» и пере-ключаю телефон в режим полета.

Завтра Беркли присоединится ко мне в Калифорнии в качестве моего приглашенного гостя, а заодно амортизатора между мной и мамой. Если Франческа Блисс захочет меня покритиковать, то ей придется делать это в присутствии моей самой понимающей в мире подруги.

Я открываю заметки на телефоне. Пора проверить, какие неотложные дела ждут меня в Уэстлэйке – то есть изучить общий список дел, составленный Изабель несколько месяцев назад.

Я морщусь, прокручивая страницу. Разве утром список был таким длинным?

- Погладить мои атласные пижамы для медового месяца.
- Проверить, не поздно ли поменять букет на менее пышный.
- Подготовить подарки для подружек невесты – Наталии, Саммер и Риз.
- Проверить эффективность внутриматочной спирали в горячей ванной.

Клянусь своим аппендиксом, – тем более мне его не жаль, – этого пункта в списке не было, когда я видела его в последний раз. Как и строчки «Купить лубрикант в аптеке». Наверное, Изабель дополнила список только сегодня. И возможно, ей бы не помешало провести немного времени с женихом.

Я просматриваю двадцать других пунктов и останавливаюсь на одном, расположенном ближе к началу.

- Спа-процедуры в среду: педикюр, маникюр и уход за лицом для восьми человек.

Ох, черт. Я совсем забыла записать ее в салон. Как только откроется «Лаш энд Лэзер», позвоню туда и буду умолять записать сразу всех. Мои шансы невелики, потому что все происходит в последний момент, но раз уж судьба чужих копыт и когтей лежит на мне, то...

Я уже будто слышу разочарованный комментарий мамы: «Я бы и сама всех записала, раз ты не хотела звонить. А вот теперь мне обивать пороги салонов, лишь бы записали хотя бы твою сестру. Все как всегда».

Если я не исправлю ситуацию, то в книгу «Ошибки Кэссиди» добавится еще и глава «В роли подружки невесты».

Быть сестрой – все равно что участвовать в конкурсе длиной в целую жизнь, в который тебя запахнули против воли. И оценочный лист в руках моей матери. Изабель – шикарная блондинка-серфенгистка, способная вскружить всем головы и заинтересовать любого мужчину своей уверенностью в себе. Ответ Южной Калифорнии королевской семье. Мамино любимое трофейное дитя. Достаточно спортивная, чтобы ловить волну, и достаточно строгая, чтобы посещать со своим женихом Микаэлем пафосные адвокатские тусовки. Вдобавок она сотрудничает с «Фондом восстановления Галапагосских островов», который спасает морских черепах.

Тем временем я – танцовщица, меня не интересует работа в офисе, и ярываюсь между тем, чтобы выразить эмоции открыто, и тем, чтобы держать все в себе, пока терпение не лопнет. Всегда в движении. Ответ Южной Калифорнии на вопрос, который никто не задавал. Вечная мама не удачница. Я тоже занимаюсь благотворительностью, но она ограничивается бесплатными занятиями по танцам в социальном центре для детей, которые не могут посещать платные студии. А еще я не спасаю морских черепах.

Изабель выиграла в конкурсе «Юная мисс Калифорния», а я получила титул «Мисс мятная липучка», потому что эта дрянь надолго застряла у меня в зубах после похода в кинотеатр, – героиня комедии, не иначе. Какая ирония. Короче говоря, Изабель – победительница. Я не завидую ей, но я так устала от того, что меня с ней постоянно сравнивают. Это раздражало и в десять лет, и в пятнадцать, и в двадцать. Тот факт, что это длится уже двадцать шесть лет, приводит меня в бешенство. Во всяком случае, сейчас все еще хуже, потому что мы пожинаем плоды нашего взрослого выбора. Все это напоминает тщательно продуманное испытание. Моя мать досконально изучает все, что я делаю или не делаю, основываясь на том, что сделала или не сделала Изабель. У мамы уже была идеальная дочь, и иногда я задаюсь вопросом, зачем ей вообще понадобилось заводить вторую.

Надо потерпеть всего-то одну неделю. А потом я вернусь в Эшвилл, в свой личный рай, и снова познаю дзен.

Первые полтора часа полета самолет то и дело потряхивает, и все это время я смотрю «Город героев» на планшете ребенка, сидящего передо мной, через щель между сиденьями. Рука сама собой до хруста сжимает пластиковый стаканчик виски с колой – почему-то мне хочется пить такое только в самолетах. Обычно я предпочитаю водку с содовой, но как только в кабине повышается давление, у меня срабатывает рефлекс собаки Павлова, и мне необходимо выпить этой сладкой, словно сироп, гадости.

Пока я выливаю в рот остатки, рядом со мной останавливается громоздкая тележка с напитками в сопровождении двух стюардесс. Как раз вовремя.

Я снова протягиваю им водительские права и кредитную карточку:

– Можно еще виски с колой, пожалуйста.

Стюардесса поднимает тонкий пальчик.

– Я вас помню, права не нужны. По правде говоря, – она позвякивает крошечной бутылкой, – я специально приберегла для вас, как раз последняя.

Мое сердце отбивает чечетку в ответ на этот щедрый жест, и я засовываю права обратно в карман, когда девушка проводит кредитку по терминалу оплаты. Мне бы остановиться и задуматься, почему я вообще радуюсь тому, что меня четко охарактеризовали как любительницу виски, и это-то на борту битком набитого Боинга-747. Но мне греет душу внимательность со стороны «Атлас Эйрлайнс» – персонал очень дружелюбен, а самолет вылетел вовремя, несмотря на шторм, в отличие от некоторых других авиакомпаний в аэропорте Шарлотт. Как бы ни запугивали нас популярные фильмы-катастрофы, несколько дюймов снега не заставят мой самолет экстренно приземлиться. Может, я и не в восторге от того, куда направляюсь, но во всяком случае я могу расслабиться и...

– Говорит командир корабля, – решительный голос отчетливо раздается сквозь шум в салоне. – На нашем лобовом стекле появилась трещина, и из соображений безопасности мы приняли решение совершить посадку в аэропорту Джоуплин. Это просто мера предосторожности. Пусть проблема и незначительна, ваша безопасность является нашим приоритетом. Пожалуйста, следуйте инструкциям бортпроводников.

Я выпрямляюсь, присоединившись к тем, кто вытягивает головы в сторону кабины пилота. Не то чтобы мы могли видеть лобовое стекло, но, похоже, у всех нас есть один и тот же инстинктивный порыв посмотреть, что случилось.

За-ме-ча-тель-но. Какая фееричная невезуха, к тому же отнимающая у меня кучу времени.

Выражение лица стюардессы всего за несколько секунд меняется с удивленного на решительное. Она возвращает мою кредитку, прежде чем умчаться, волоча за собой скрипучую тележку.

Если бы не фраза «мера предосторожности», я бы покрылась липким потом. Крошечная порция адреналина невольно разносится по телу... ну так, на всякий случай.

– В смысле – на лобовом стекле появилась трещина? – Голос Люка доносится до моего слуха, когда пустой пластиковый стаканчик падает на пол рядом со мной. – Это ненормально... Или того хуже!

Я оборачиваюсь на звук, когда Люк пытается поднять стаканчик с пола. Он бледнеет и садится, дважды сжимает и разжимает кулаки.

Я продолжаю крутиться, любопытство меня не покидает.

– Ты в порядке, Уолли?

– Что? – Его взгляд мечется между мной и передней частью самолета, пока он сминает стаканчик в руке. – Уолли?

– Полоски на шарфе, в котором ты был на стоянке... Ну, красные и белые. Черт, когда приходится объяснять шутку, она тут же перестает быть смешной.

– А... я понял. – Вся прежняя резкость исчезла. Его голос сел, и я почти уверена, что острые края пластикового стаканчика врезаются ему в ладонь, когда он его сжимает.

Когда мы снижаемся, ощущение стремительного падения как на американских горках охватывает мое тело.

Рука Люка взлетает к подлокотнику. Он зажмуривается.

– Я постоянно летаю. Такого не может быть: они просто хотят, чтобы мы думали, что это мера предосторожности, но если бы это было так, мы бы не падали.

– Приземление, кажется, всегда примерно так ощущается, разве нет? Сейчас быстрее, конечно, чем обычно, но с нами все будет в порядке и...

– Откуда тебе знать? – огрызается он. – Ты болтала по телефону, пока стюардессы показывали, как не погибнуть!

– Ну извини, это был очень важный звонок. – Вторая половина ответа формируется у меня в голове, и я уже готова озвучить колкость, но все встает на свои места, как только я присматриваюсь к его рукам, мертвой хваткой вцепившимся в подлокотник, к дергающейся ноге, бесцветному лицу и сжатой челюсти.

Люк в ужасе.

– Эй... – Я ломаю голову в поисках слов, которые помогли бы снять напряжение. – Я летала на разных самолетах. Все будет хорошо.

Его губы превращаются в тонкую линию, а глаза до сих пор крепко закрыты.

Ему надо отвлечься.

– Люк, – мягко говорю я. – Как давно мы знакомы?

– Где-то двенадцать секунд.

– И за это время я хоть раз солгала тебе?

Он приоткрывает один глаз.

– Да откуда мне знать?

Я сдерживаю смех.

– Посмотри на меня.

Он вздыхает, моргает, пытаюсь сфокусировать на мне взгляд.

– Мы приземлимся быстрее, чем ты укладываешь волосы.

– Я их вообще не укладываю, они всегда такие.

Самолет резко теряет высоту. Я хватаюсь за подлокотник, в то время как несколько человек недовольно ворчат.

– И когда мы окажемся на земле, ты сможешь... – Я цепляюсь за любую мысль, всплывающую в голове, когда в глазах Люка вспыхивает ужас, – ...повеселиться. Какое твое любимое хобби?

После недолгого молчания его ответ звучит натянуто.

– Бег.

Глядя на его сухощавую фигуру, я ни капли не удивляюсь, но все равно говорю:

– Ох, правда?

– Да, – уверенно подтверждает он.

– Ну, тогда ладно. Скоро в твоём распоряжении будут трава и бетон на любой вкус. Мир – это твоя беговая дорожка. Подумай об этом. Представь, что находишь свою любимую пару носков в куче чистого белья, завязываешь свои лучшие кроссовки и уверенно бежишь.

Его кулак разжимается, и он, моргая, смотрит на смятый пластиковый стаканчик в руке. Его пухлые губы приоткрываются, как будто он наконец-то выдыхает.

– Это... не такая уж и плохая идея.

Я улыбаюсь.

– Принимаю твою похвалу.

Его смех больше похож на резкий выдох, но он все-таки смеется.

Я смотрю вперед, удовлетворенная тем, что он успокоился.

Когда мы приближаемся к посадке – самой нелюбимой части полета для многих людей даже при стандартных обстоятельствах, – я могу только надеяться, что он не впадет в панику снова.

Глава 4

Люк

Мы приземлились. Но каждая клетка моего тела все еще в гребаном напряжении, хотя мы уже на земле, где и положено быть людям.

А фраза пилота – *на лобовом стекле появилась трещина* – продолжает крутиться в моей голове, так что я, блин, не уверен, смогу ли вообще встать с кресла. Именно поэтому я предпочитаю передвигаться наземным транспортом. Мой пульс все еще не может выровняться, и сердце стучит в бешеном ритме.

Да и голос пилота к тому же был пугающе спокоен.

Какая неожиданность, самолет сломался! Вот так понедельник...

Я обливался потом все двадцать семь минут, пока мы приземлялись. Если бы все пошло по худшему сценарию, которого я так боялся, то последним моим воспоминанием при отходе в иной мир стал бы разговор с критикующей меня девушкой, которая игнорирует инструктаж по технике безопасности.

Я бросаю взгляд на Кэссиди, мое внимание привлекают ее распущенные волосы.

Возможно, она не так уж любит бросаться обвинениями, как я поначалу думал, ведь она без колебаний помогла мне справиться с панической атакой, при этом я ни разу не почувствовал, что она насмехается надо мной.

Это было... довольно мило.

Когда приходит время выходить, я медленно и аккуратно встаю, чтобы не зацепить головой багажную полку. Нас выпускают через переднюю дверь самолета, и несколько человек задерживаются у кабины пилотов, чтобы доконать членов экипажа вопросами, на которые они уже отвечали.

Авиакомпания предоставит другой борт, но это будет точно не этой ночью.

Это небольшой региональный аэропорт, и он ограничен в ресурсах.

Мы уведомим вас о любых изменениях с помощью сообщений и электронной почты.

После танцев с бубном наддохлым интернетом я наконец запускаю «Гугл» и открываю страницу Джоплина в Википедии. Забавный факт об этом местечке: забавных фактов просто-напросто нет. Это какое-то захоlustье. По сравнению с четырехмиллионным населением Лос-Анджелеса пятьдесят тысяч в Джоплине выглядят просто статистической ошибкой.

Телефон отвлек меня, и я врезаюсь кому-то в спину, поскольку человек резко остановился в рукаве телескопического трапа.

Кэссиди пошатывается, но с легкостью удерживает равновесие. Она окидывает меня равнодушным взглядом, но на ее губах появляется слабая ухмылка, как только она замечает, что перед ней я.

– А я-то думала, мы поладили, – язвительно произносит она, доставая свой телефон из кармана. – Два шага вперед...²

– Ты же остановилась. Вообще-то это ноль шагов, а не два.

Но она, проигнорировав меня, прижимает к уху телефон.

– Алло? Изабель?

Я старательно протискиваюсь сбоку, пытаюсь хоть как-то дистанцироваться от ее второго громкого разговора за вечер, – первым вообще был видеозвонок в переполненном самолете.

² Кэссиди произносит начало американской идиомы, которая звучит так: «Два шага вперед, один назад» (англ. «Two steps forward, one step back»). Она означает, что в каком-то процессе наметился прогресс, но довольно незначительный.

Мы входим в аэропорт, и я без всякого удовольствия вдыхаю спертый воздух, направляясь напрямиком к стойке аренды автомобилей и обходя толпу, скопившуюся у багажной ленты. Окей, я легко могу проехать двадцать три часа за полтора дня с короткими остановками по пути, раз уж я оказался в этом цирке.

Изначально я планировал потратить весь завтрашний день на выполнение скопившихся дел по хозяйству. Софи, конечно, может начать упираться, но все ее свободное время посвящено дочерям, Олив и Аве. Она не должна беспокоиться еще и о ремонте и содержании дома нашего детства, построенного в тысяча девятьсот восемьдесят первом году, который стал нашим семейным гнездом. К тому же мне нравится придумывать, как и что починить, поэтому я не вижу смысла нанимать кого-то, если теоретически могу сделать это сам. Тем более единственное, что оставил отец, уходя из семьи, – это дорогой набор инструментов.

Дом, может быть, и старый, но он, как и Бейкерсфилд, – это все-таки наше, родное. При разводе мама получила этот дом в обмен на то, что отец приобрел полную свободу, как будто нас и не существовало.

Расправив плечи, я подхожу к пустой стойке аренды автомобилей. Ни очереди, ни консультанта. Единственный признак жизни – записка, приклеенная сзади к компьютеру.

Работаем с 9 утра.

Да пропади оно пропадом.

Я смотрю на наручные часы. Почти десять вечера. Отчаяние подступает к горлу, когда я, шаркая, возвращаюсь к выходу. Большинство пассажиров столпились у стойки информации, вероятно, надеясь, что так они получают новости из первых уст.

Мне требуется всего несколько минут, чтобы сориентироваться на местности: в круглом терминале только один выход, к которому примыкают две зоны посадки. Из окон от пола до потолка открывается вид на ночное небо и взлетно-посадочную полосу. Пространство разделяют две зоны отдыха с двумя рядами кресел в каждой – у этих кресел подлокотники не поднимаются, и сидеть приходится так, словно тебе меряют давление. Всего пара торговых автоматов расположена между уборными.

Что ж, ночевка в аэропорту не входила в мой список желаний.

После безуспешных поисков в интернете я обновляю веб-сайт единственного отеля, который могу найти в пределах двадцати минут езды от этого злосчастного аэропорта, размерами скорее напоминающего школьный спортивный зал. До отеля «Хоумвуд Сьютс» ехать примерно девятнадцать минут.

«Нет мест».

Конечно же все занято. С тех пор, как мы приземлились, наверное, каждый из ста четырнадцати человек постарался забронировать номер в отеле. И я уверен, что некоторым хватило здравого смысла сделать это, не выходя из самолета, как только они увидели табличку с названием города.

Может, хотя бы на «Эйрбиэнби» что-то будет?

Несколько человек уже расселись в креслах, в то время как другие наматывали круги, нетерпеливо тыча пальцами в телефоны.

– Нигде ничего нет вообще. Аэропорт просто-напросто превратился в гигантскую комнату общежития.

Я на мгновение замираю, услышав этот мелодичный голос, и медленно отрываю взгляд от экрана.

Кэссиди.

Она кружит со своим разноцветным чемоданом. Анализируя ее поведение, наши стычки и ее любовь громко говорить по телефону, я решаю, что она, вероятно, вынуждена постоянно делиться своими мыслями со всеми, кто готов ее слушать.

– Я уже поговорила с шестью людьми, и никто не смог найти места для ночевки. – Кэссиди тербит край своей рубашки, скручивая его пальцами в трубочку. Она бросает взгляд в окно, в ее голосе слышатся нотки смирения. – Кажется, нам придется разбить лагерь прямо здесь.

Что ж, новость кошмарнее некуда.

Я отмахиваюсь от этой фразы.

– Бьюсь об заклад, они даже не смотрели на «Эйрбиэнби» или VRBO.

Кэссиди внимательно оглядывает наших попутчиков.

– Я почти уверена, что богатые папики в топ-сайдерах от «Сперри» и в шортах цвета хаки наверняка знают, как искать жилье.

– Ну ведь должно быть хоть что-то...

Улыбка слетает с губ Кэссиди. Хлопнув себя по бедру, она скрещивает руки на груди.

– Ну ладно. Раз ты так уверен – проверяй.

Я прищуриваюсь. Кажется, она счастлива оказаться в затруднительном положении.

– Я так и сделаю, спасибо.

Кэссиди не понимает намека на то, что ей стоит уйти, и смотрит на меня голубыми глазами, в которых одновременно читаются невинность и вызов.

Когда я ввожу почтовый индекс Джоплина, на «Эйрбиэнби» ничего не появляется. Впрочем, на VRBO тоже нет ни одного предложения.

Забывая в строку поиска почтовые индексы соседних городов, я ощущаю на себе упорный тяжелый взгляд Кэссиди. Ближайший крупный город – Спрингфилд, и он более чем в часе езды отсюда. Я даже не знаю, как туда попасть.

Открываю приложение «Убер» в телефоне. Даже после обновления страницы на экране не появляется ни одной машины. У меня есть два объяснения: или машины уже мчатся в «Хоумвуд Сьютс» с немногочисленными счастливицами, или этих машин вообще не существует.

Я бы заплатил кучу денег, лишь бы кто-нибудь отвез меня в ближайший пункт аренды автомобилей, если он, конечно, работает.

– Ну, как успехи? – Ее слабая улыбка для меня все равно что предупреждение о грядущей атаке.

Я пихаю телефон в карман и отвечаю на ее выпад еще более широкой улыбкой.

– Знаешь что? Пожалуй, останусь здесь на ночь. По крайней мере я буду первым в очереди в пункт аренды автомобилей, когда он откроется.

– Вот видишь? Я же говорила, что других вариантов просто нет. – Подмигнув, она прожигает меня взглядом.

– Ага, впервые оказалась права? В следующий раз тебе стоит поменьше злорадствовать. Ничего, ты освоишься.

Она открывает рот, наклонив голову на бок.

Я безразлично киваю, отгаскивая свой чемодан подальше от нее и ее самодовольства, приводящего меня в бешенство.

Осталась всего пара свободных кресел, но и их скоро займут люди, отказавшиеся от идеи сбежать отсюда хоть куда-нибудь. Присмотрев свободное место, я направляюсь к нему, однако с другой стороны приближается женщина. Встав как вкопанный, я машу ей, давая понять, что уступаю.

Кэссиди гордилась бы мной.

Что ж, и на полу без проблем посижу, как раз вижу свободную розетку. Проработаю всю ночь, имея полный доступ к зарядке, я ведь, черт возьми, делал так и раньше. Бросив на пол

свое пальто – пусть будет вместо подушки, – я соскальзываю вниз по стене. Благодаря энергетике с семенами чиа, взятому с собой, и торговому автомату до утра я как-нибудь протяну.

* * *

Спустя несколько часов изучения данных для нового клиента, которые я провел в одной и той же позе, не прерываясь на разминку, ноги затекают. И тут мой взгляд выхватывает какое-то белое мерцание.

Это блестящая рубашка Кэссиди.

Девушка сидит на полу, прикрыв глаза и прислонившись спиной к огромному окну. Рядом с ее ладонью лежит телефон, словно он выпал из рук, а подбородок прижат к груди. Она так сильно дрожит, что я вижу это даже со своего места.

Я обращаю внимание на ее чемодан. Должна же быть у нее хоть какая-нибудь теплая одежда, чтобы не замерзнуть насмерть в этом морозильнике?

Возвращаясь к ноутбуку, я несколько раз клацаю по сенсорной панели, пока в ушах не начинает звучать музыка из «Звездных войн». Обычно саундтреки Джона Уильямса – настоящие музыкальные объятия – гипнотизируют меня, вводя в состояние повышенной концентрации.

Вот только сейчас я отвлекся.

Это точно не моя проблема. Но, черт возьми, как бы я хотел сейчас швырнуть в Кэссиди теннисный мяч, чтобы она проснулась и натянула свитер.

Вдруг просыпается экран моего телефона. Уилл ответил на сообщение о том, что я пробуду дома неделю.

Я свободен по вечерам с понедельника по воскресенье и готов надрать тебе задницу в баскетболе, в бильярде, да хоть в настольном футболе, если тебе захочется разнообразия. Сгоняем на пляж Писмо? И в городе открылся новый стендап-клуб, в который мы могли бы заглянуть.

Уилл как всегда. Кайфует от побед и от толпы зрителей, а если повезет, то и от того и от другого.

Приходит еще одно сообщение:

И по какому случаю? Дома все в порядке?

Он знает меня слишком хорошо.

Со слов Софи, все прекрасно. Просто захотелось увидеться со всеми.

И это правда. Но стоит добавить, что я хочу выяснить истинную причину того, почему сестра отменила Дисней-круиз, в который собиралась отправиться с девочками на этой неделе. Я сам подарил им эти билеты на Рождество и уверен, что вопрос точно не в деньгах. Ее дочери проговорились об этом во время телефонного звонка, а Софи просто отмахнулась, сказав, что ей удалось получить кредит на круизный лайнер и они что-нибудь придумают.

Все это очень подозрительно. А все подозрительные вещи в мире ведут к маме.

Отмахнувшись от неприятных мыслей, я пишу Уиллу в ответ:

Да так, возникла пара неурядиц по дороге. Я позвоню, как приеду домой, и мы что-нибудь решим.

Пока мое сообщение со свистом несется по киберпространству, я поднимаю взгляд и в этот момент вижу все еще спящую Кэссиди, мирно сопящую и обхватившую себя руками.

С моих губ срывается вздох. Я чувствую, как затекло все тело. Поднимая пальто с пола, я замираю, пытаюсь оценить, насколько оно теплое. Шерсть – штука тяжелая да и мягкостью

не отличается. Тем более Кэссиди знает, что это мое пальто. И сказала о нем предостаточно еще в самолете. Все-таки мне бы не хотелось, чтобы она обо всем догадалась.

Я вытаскиваю из чемодана толстовку и направляюсь к Кэссиди. Холод с улицы просачивается сквозь стекло. Неудивительно, что она дрожит.

Я накидываю на нее толстовку.

Я не собираюсь ее укутывать или оказывать другие услуги. Просто чувствую себя в долгу перед ней. Я не задержал для нее шаттл – хотя действительно не видел и не слышал ее, – и несмотря на это, Кэссиди все равно помогла мне в самолете в трудную минуту. Теперь я уберег ее от пневмонии.

На моем месте так поступил бы каждый.

Несколько часов спустя, прислонившись к стене и поймав рабочий ритм, я с головой погружаюсь в работу и почти не замечаю, как Кэссиди зашевелилась.

Почти.

Глава 5

Кэссиди

Я резко выпрямляюсь и кручу головой по сторонам. Осознание происходящего приходит по мере того, как мой мозг просыпается. Аэропорт. Свет приглушен, почти как в театре перед началом спектакля.

А я-то надеялась, что это представление было только сном.

И тут мой взгляд падает на неизвестный сверток серой ткани на моих коленях, и я сбрасываю его на пол с невольным писком.

Что за фигня?

Хватаю это нечто кончиками пальцев и приподнимаю. Так, есть капюшон, но нет завязок. Ткань потрепанная и выцветшая. Быстро заглядываю внутрь – этикетки нет.

Это даже не толстовка, а какое-то детское одеяльце, заношенное до дыр.

Поднимаю голову и осматриваюсь.

Из сотни людей, разбивших лагерь у выхода, я могу выделить только одного. И последнее, что бы сделал мистер «Ага, впервые оказалась права?», это предложил бы мне толстовку. Неприязнь Люка ко мне настолько сильна, что он предпочел оспорить мою правоту насчет ситуации с отелями, несмотря на то, что мы достигли некоторого взаимопонимания и уважения, когда самолет приземлился.

По крайней мере, мне так показалось.

И вот что я получаю за попытку начать все с чистого листа – Люк дерзит мне. Насколько у него хрупкое эго. Предполагаю, если бы я сказала, что аэропорт горит, он скорее кинулся бы гуглить, дабы быть совершенно уверенным, чем доверился бы мне.

Ну и что с того, что я ему не нравлюсь? Он не понравился мне раньше. Так что у меня есть преимущественное право на обиду.

И все же толстовка в моих влажных руках.

На другой стороне прохода я замечаю Люка и его копну взъерошенных волос, похоже, он слишком часто трепал их. Думаю, что кошмарная ночь в аэропорту произвела впечатление даже на самых терпеливых из нас. Люк наклонил ноутбук, разместив его на коленях. В его очках отражаются блики экрана.

Я могла бы спросить его. Но если вдруг толстовка принадлежит какому-то доброму самаритянину, решившему укрыть меня, – или случайному прохожему, который хотел задушить меня во сне и не смог это сделать, – получится крайне унижительно.

Играть в «Симс» до тех пор, пока авиакомпания не объявит какие-нибудь новости, куда безопаснее.

Экран телефона вспыхивает от прикосновения. Пять двадцать утра. Значок разряженной батареи подмигивает мне.

Я осматриваюсь в поисках свободной розетки. Так много людей заснули рядом с ними, заблокировав их собой, что из свободных осталась только одна, верхняя.

А вот нижнюю занял Люк.

Что ж, будет весело.

Я собираю свои вещи, пробираюсь через переполненный зал, зажимая толстовку под мышкой, и, подойдя к Люку, спрашиваю, задрал голову:

– Я воспользуюсь верхней розеткой?

Он смотрит на меня примерно полсекунды, прежде чем вновь опустить взгляд на клавиатуру.

– Конечно. – Я наслаждаюсь легкой победой, и тут он добавляет: – Я просто хотел сказать, что она мне не принадлежит.

– Мог бы просто сказать «да», – бормочу я, достав зарядку из переднего кармана чемодана и включив ее в розетку.

Мышцы напряжены после полета и сна в сидячем положении. Здесь достаточно свободного места, чтобы хорошенько растянуться, но я решаю не слишком усердствовать. Надо делать это потихоньку. Сухожилия под коленками протестующе гудят – верный знак, что во избежание травм сейчас мышцы нужно аккуратно размять. Ведь даже пустяк может лишить меня работы.

– Что ты делаешь?

Продолжая растяжку, я бросаю взгляд направо. Лицо Люка искажается от ужаса.

– Разминаю ноги, – отвечаю я таким же тихим голосом, как и у него.

– Прямо здесь?

Судя по его возмущенному тону, можно подумать, что я разделась догола и наклонилась.

– Конечно. А почему бы и нет?

Он снимает очки с лица и трет их о рубашку.

– Никогда не видел, чтобы кто-то делал шпагат посреди аэропорта.

– Во-первых, это не полный шпагат, а во-вторых, не посреди аэропорта. В нашей части зала почти все спят. Я же не сделала это в очереди на досмотр. – Я опираюсь на локти, и мои мышцы трепещут от радости. – Тебя это так нервирует?

– Нет.

– Тогда почему в твоем голосе столько раздражения?

– Да нормально я разговариваю. – Он вновь утыкается в ноутбук, цокнув языком.

– Отлично. – Я тянусь еще больше, пока ноги не образуют почти идеальный угол в сто восемьдесят градусов, хотя я не собиралась этого делать, пока Люк не заговорил. Что-то в его тоне выдает в нем умника, который лучше всех знает, что правильно, а что нет, – и он-то, конечно, всегда прав. Это вызывает желание цепляться к нему до тех пор, пока он не огрызнется.

– Быть гибкой – это часть моей профессии. Я ведь тоже работаю. Точно так же, как и ты... со своим беспрерывным клацаньем по клавиатуре.

Набор текста прекращается.

– Кем работаешь?

– Хореографом. Танцовщицей. Мастером стретчинга, так сказать.

Он поворачивает голову примерно на десять градусов, пробегает взглядом по моему телу и возвращается к работе. Он мог бы использовать свой острый подбородок вместо оружия.

– Просто очаровательно.

По моей шее поднимается жар.

– Поражен моим талантом?

– Тронут до слез.

– Ладно, я скоро от тебя отстану.

Он напряженно вздыхает и вытирает рот рукой. В его хриплом голосе слышится усталость из-за недосыпа.

– Я не говорил, что ты должна от меня отстать. Уж извини, что задаю глупые вопросы.

– Кстати, о глупых вопросах. – Я сажусь, скрестив ноги, и приподнимаю его толстовку. – Как думаешь, откуда она взялась?

Люк замирает на несколько секунд. Его молчание такое громкое, что бьет по барабанным перепонкам.

Я поджимаю губы и подношу толстовку к носу. Аромат яркий и освежающий, напоминающий о Калифорнии, с оттенком цитрусов, как холодный лимонад, выпитый на пляже. Я бы

узнала его где угодно, потому что на летних каникулах в старших классах работала в магазине косметики «ДжейСи Пенни» и перепробовала достаточно духов, чтобы почувствовать себя взрослой. Это «Ральф Лорен».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.